

DOI: 10.15393/j9.art.2020.8223

УДК 821.161.1.09“18”+82.09

Е. А. Тахо-Годи

*Московский государственный университет,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук
(Москва, Российская Федерация)*

takho-godi.elena@yandex.ru

Пушкин в философско-эстетической системе Ю. И. Айхенвальда*

Аннотация. В статье поставлен вопрос о роли пушкинского начала в философско-эстетической системе Ю. И. Айхенвальда, одного из ведущих критиков эпохи Серебряного века. Предложенный обзор публикаций Айхенвальда о Пушкине и пушкинистике первой четверти XX столетия, анализ отношения Айхенвальда к высказываниям о Пушкине В. Г. Белинского и Д. С. Мережковского позволили рельефней очертить позицию критика, его подходы и методы. Статьи Айхенвальда об Анне Ахматовой, В. Брюсове, И. Бунине показывают, что причастность к пушкинской традиции являлась для Айхенвальда важнейшим эстетическим критерием при оценке современного литературного процесса. Рассматривается также вопрос о восприятии пушкинских штудий Айхенвальда его современниками — литераторами (Б. Зайцев, Б. Садовской, В. Ходасевич), литературоведами (С. А. Венгеров, Б. М. Эйхенбаум, А. П. Скафтымов), историками культуры (П. М. Бицилли) и представителями русской религиозной философии (С. Л. Франк, А. Ф. Лосев). В отличие от историков литературы, для философски мыслящих поклонников критика сам феномен Айхенвальда был лучшим подтверждением несводимости нации к национальности, единства русской культуры и Пушкина как ее главного национальной символа.

Ключевые слова: Айхенвальд, литературная критика, философско-эстетическая система, традиция, Пушкин, национальная культура

Об авторе: *Тахо-Годи Елена Аркадьевна* — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, г. Москва, Российская Федерация, 119991); ведущий научный сотрудник Отдела русской литературы конца XIX — начала XX века, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); зав. отделом, Библиотека-музей «Дом А. Ф. Лосева» (ул. Арбат, 33, г. Москва, Российская Федерация, 119002)

Дата поступления: 01.06.2020

Дата публикации: 07.07.2020

Для цитирования: Тахо-Годи Е. А. Пушкин в философско-эстетической системе Ю. И. Айхенвальда // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 3. — С. 171–189. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8223

Творчество великого классика русской литературы и даже самое его имя всегда было и продолжает быть одним из важнейших маркеров личностного самоопределения — не только скрепой внутри «единой национальной культуры» [Есаулов: 94], но и камнем преткновения, вехой идейного размежевания. Не случайно борьба «за» или «против» Пушкина возникала в самые переломные моменты отечественной истории: в эпоху реформ середины XIX столетия, в кризисные предреволюционные годы, в год «большого террора». В изучении истории восприятия пушкинского наследия отечественной культурой у литературоведов явно есть излюбленные сюжеты, к примеру, открытие памятника Пушкину в 1880 г., пушкинские юбилеи 1899 или 1937 гг., «Достоевский и Пушкин», «Ахматова и Пушкин», «Цветаева и Пушкин» и т. д. Однако историку культуры невозможно ограничиваться только «вершинными» явлениями. Вот почему в настоящей статье мне хотелось бы обратиться к фигуре Юлия Исаевича Айхенвальда (1872–1928). В новейших исследованиях о восприятии русской классики этого имени мы не найдем: ни в томе [Русская классическая литература в мировом культурном контексте] (под редакцией И. А. Есаулова, Ю. Н. Сытиной, Б. Н. Тарасова), где есть главы о восприятии русской классики в дореволюционной критике, ни в объемной антологии [Русская классика: Pro et contra. Железный век] (составители И. А. Есаулов, Т. Г. Петрова), где есть раздел о классике в восприятии русского зарубежья, с которым Айхенвальд оказался связан после высылки из России на знаменитом «философском пароходе» в 1922 г. Это вызывает тем более сожаление, что Айхенвальд, по меткому выражению Бориса Зайцева, «был художник литературной критики и, за последние десятилетия, вообще первый русский критик» [Зайцев: 407].

Получивший профессиональное философское образование в стенах Новороссийского университета, исполнявший обязанности ученого секретаря Московского психологического

общества, где встречался с выдающимися русскими мыслителями — Вл. Соловьевым, кн. С. Н. Трубецким, Л. М. Лопатиным, и секретаря редакции журнала «Вопросы философии и психологии», где напечатал десяток рецензий на сложнейшие философские труды, Айхенвальд как раз в год 100-летия Пушкина начинает все чаще обращаться к литературной проблематике, которая после 1902 г. станет для него основной. К пушкинскому столетию он опубликовал один из своих «эскизов» на литературную тему — очерк «Пушкин как воспитатель» [Айхенвальд, 1899]. В ноябре 1903 г. Айхенвальда выберут действительным членом Общества любителей российской словесности, и он войдет в Пушкинскую комиссию Общества.

Суть айхенвальдовского отношения к Пушкину выражена уже в первых его текстах о поэте так: «Это неодолимое чувство добра, идущее за грань каждой тягостной минуты, дышит на всех страницах Пушкина, и его произведения — художественное оправдание Творца, какая-то поэтическая Теодицея, могучая вдохновением своего непосредственного порыва и всем обаянием бессмертного пушкинского слова» [Айхенвальд, 1906: 41]. Почти религиозное отношение к великому классику не ослабнет и в дальнейшем.

В 1908 г. при переиздании первого выпуска «Силуэтов русских писателей» Айхенвальд расширил отдел, посвященный любимому поэту: к характеристике Пушкина добавились статьи об отдельных произведениях под общим названием «Отклики Пушкину». В финале последнего из них, посвященного «Евгению Онегину», возникал своеобразный диалог поэта и вымышленного потомка-читателя. В ответе «читателя» явно слышится голос самого критика: «И моя мечта, моя молитва к тебе — это, чтобы ты, мой божественный спутник, никогда не покидал меня, чтобы я до конца моей жизни умел читать тебя, умел воспринимать поэзию твоей поэзии, слышать и славить тебя. Покуда ты со мною, до тех пор я еще спокоен, до тех пор, следуя твоему великому примеру, я могу принимать мир, и себя. Ибо надо только принять тебя, — остальное приложится...» [Айхенвальд, 1908: 170].

В 1908 г. весь раздел о Пушкине выходит отдельной книгой. В 1916 г. книга «Пушкин» переиздана в новой, расширенной редакции. Оценена современниками она была очень по-разному. Сожалея о том, что до сих пор нет полной научной пушкинской биографии, поэт Борис Садовской воспринял книгу только как «художественную импровизацию», бесполезную для пушкинианы, как «дневник эстетика, влюбленного в Пушкина, написанный изящно и умно» (эта оценка, однако, не помешала ему тут же едко сыронизировать: «Соседство стихов самого Пушкина сильно вредит впечатлению от этого поэтического пересказа его поэзии») [Голов: 94]. В. Ходасевич уличал Айхенвальда в «простодушном эстетизме» и умиленно-слащавых интонациях, когда речь заходит о Пушкине (правда, к середине 1920-х гг. В. Ходасевич изменит свой взгляд на Айхенвальда и начнет прислушиваться к его суждениям — см.: [«Я очень слежу за Вашими отзывами...»]). Б. М. Эйхенбаум, рецензируя издание 1916 г., ставил автору в вину «отсутствие эстетической принципиальности», узкий психологизм, эмпиризм метода, «неподвижно-догматический импрессионизм», натянутасть всей концепции, не спасающей его книгу «от совершенной пустоты и нестройности» [Эйхенбаум: 311–312]. В отличие от него, А. П. Скафтымов, правда, значительно позже, в 1940-е гг., когда имя Айхенвальда было вычеркнуто из советского литературоведческого оборота, обильно цитировал его книгу 1916 г. в своих «Записях к лекции о Пушкине». Судя по пометам, сохранившимся на полях книги «Пушкин», очевидно, что ученый высоко ценил пушкинские штудии Айхенвальда. Особое одобрение Скафтымова вызвал тезис Айхенвальда о том, что пушкинский «эстетический универсализм — в то же время и величайшая этика» [Хвостова: 231].

Очевидно, что такие диаметрально противоположные оценки вызывал айхенвальдовский «метод имманентной критики», в соответствии с которым «исследователь художественному творению органически сопричастается и всегда держится внутри, а не вне его» [Айхенвальд, 1911: XVI], верит, что «писатель живет всегда и везде», что интерпретация его наследия неисчерпаема, потому что «он своим современникам

не современник» [Айхенвальд, 1911: VIII]. С таким «крайним субъективизмом» профессиональные историки литературы, вроде С. Венгерова, еще готовы были «помириться как с особого рода творчеством», но не с утверждениями Айхенвальда об объективности его «силуэтов» [Венгеров: 608]. Именно метод, как считал С. А. Венгеров, провоцировал критика называть статьи «откликами», видеть в любимых авторах пророков и говорить о них молитвенно. Но и Венгеров должен был признать, что благодаря такому пиетету Айхенвальду «лучше всего удался» Пушкин, что он красиво передал «“сладкое” очарование» «Бахчисарайского фонтана», смог сделать интересные замечания о «Скупом рыцаре» и «Моцарте и Сальери», хотя слабее охарактеризовал «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина», т. е. произведения, где «главную роль играют быт и реальная действительность» [Венгеров: 608]. Вероятно, поэтому С. Венгеров решился пригласить Айхенвальда, наряду с известными пушкинистами, такими, как Н. Лернер, и поэтами-символистами (А. А. Блоком, Вяч. Ивановым и В. Я. Брюсовым), к участию в издаваемом им 6-томном Полном собрании сочинений Пушкина. Во втором томе (1908) Айхенвальд поместил статью о «Бахчисарайском фонтане», а в третьем (1909) — о Полтаве.

Конечно, профессиональным пушкинистом Айхенвальд от этого не стал, но начал пристальнее следить за публикациями о поэте и регулярно на них откликался в печати. За последнее десятилетие его творческой деятельности появились рецензии на издание итальянских переводов пушкинских стихотворений [Айхенвальд, 1915a], по поводу публикации дневника А. Н. Вульф [Айхенвальд, 1915b] и других новейших публикаций [Айхенвальд, 1918], отклики на книги о Пушкине Б. Соколова [Айхенвальд, 1923b], В. А. Мякотина [Б. К.], А. Лютера [Ю. А., 1928a], М. Гофмана [Ю. А., 1928b], Н. Котляревского¹, на «Поэтическое хозяйство Пушкина» В. Ходасевича², о работе М. Гофмана «Еще о смерти Пушкина»³, на «Пушкина в жизни» В. Вересаева⁴. Так что не будет преувеличением, если мы скажем, что под знаком Пушкина проходит вся критическая деятельность Айхенвальда — с 1899 г. и до конца жизни. При этом Пушкин является для него и высшим критерием

эстетической и нравственной ценности каждого русского литератора: критик предпочитает характеризовать автора, исходя из близости или отдаленности от пушкинского эстетического и этического эталона. Приведу только несколько примеров.

Высоко ценимая Айхенвальдом Анна Ахматова именуется им «законной наследницей Пушкина, уловившей в своих стихах шелест его шагов», поэтессой, на которой «почиет благодать Пушкина» [Айхенвальд, 1923а: 286]. Она — продолжательница его традиции, в том числе в выдержанности «в словах и красках изумительной чистоты и чисто пушкинской простоты»: «Да, в Анне Ахматовой не умер Пушкин, не умерло все то благословенное, что связано с ним, Александром Благословенным, и расступаются перед нею тяжкие ряды русских десятилетий, и видит она за ними все те же царскосельские аллеи, по которым бродит незабвенный лицеист» [Айхенвальд, 1923а: 286].

Крайне нелюбимого В. Я. Брюсова, чье значение Айхенвальд определял как «величие преодоленной бездарности» [Айхенвальд, 1923а: 146], критик, напротив, обвинял в отсутствии пушкинской «непосредственности и живой, святой простоты» [Айхенвальд, 1923а: 129]. Брюсовская попытка дописать «Египетские ночи» вызвала у него только иронию: «То, что у Пушкина было жутким и сосредоточенным сладострастьем, у Брюсова стало словоохотливым и противным разговором о сладострастии. И вообще к художественному сосуду Пушкина, хотя бы и незаконченному, Брюсов топорно приклеил нечто дешевое. Он к мрамору прибавил глину, матерьял “ручного труда”; дорогое и крепкое вино разбавил он словесной водою» [Айхенвальд, 1923а: 141–142]. «Искусственное искусство» Брюсова, никогда не разделявшего «пушкинского мнения, что поэзия должна быть “глуповата”» [Айхенвальд, 1923а: 129], чуждо критику, для него Брюсов не столько поэт, сколько человек, занимающийся поэзией. Убийственность отзыва о В. Я. Брюсове еще очевиднее на фоне айхенвальдовских строк о И. А. Бунине как наследнике «вечной пушкинской традиции», образце благородства и простоты, поэте, который «не теоретизирует, не причисляет себя сам ни к какой школе», а «просто пишет

прекрасные стихи», в которых чувствуется «нечто большее: он сам» [Айхенвальд, 1923а: 176].

Непонимание Пушкина для Айхенвальда — явный знак эстетической слепоты. Недаром в 1913 г. отношение Белинского к Пушкину стало одним из главных аргументов при ниспровержении знаменитого критика. Айхенвальд считал, что «Белинский вообще недооценил Пушкина» и что «среди бесчисленных грехов знаменитого критика это составляет самый тяжкий и незамолимый грех» [Айхенвальд, 1913: 8]. По мнению Айхенвальда, Белинский ошибался, рассматривая поэта как явление «историческое», отказывая ему в мирозерцании, не понимая, что, «где красота, там и философия, что художник — это мыслитель», не понял образа Татьяны, тогда как «Пушкин без Татьяны, без ее принципа — не Пушкин», «не оценил должному ни сказок Пушкина, ни “Повестей Белкина”, ни “Капитанской дочки”» [Айхенвальд, 1913: 9–10].

Попытка поколебать авторитет Белинского вызвала такое возмущение либеральной общественности, что критик решил ответить оппонентам в специальной брошюре «Спор о Белинском» (1914). В ней Айхенвальд заострил свое расхождение с Белинским по поводу Пушкина до последнего предела: «Таким образом, что́ для меня — проявление нравственного универсализма, то для Белинского — нечто близкое к нравственному индифферентизму, устарелость во мнениях и странные предрассудки; что́ для меня — преодоление времен и пространств, поэтическое вездесущие, всечеловечность и всеотзывность, то для Белинского — случайность в выборе предметов; что́ для меня в Пушкине — лицо, божественное лицо, то для Белинского — затылок. Те, которые находят, что между лицом и затылком есть разница, должны признать, что есть разница и в оценке Пушкина у меня и у Белинского. <...> И вот, все то, что Белинский в Пушкине отвергает, я благоговейно принимаю: неужели это не разница? А если многое у Пушкина он признавал и любил (многое такое, что впоследствии признал и полюбил и я), то это меня не опровергает, потому что я и сам это отметил и я не говорил, будто Белинский не ценил Пушкина: я определенно и ясно сказал, что он его не *дооценил*» [Айхенвальд, 1914: 65–66].

Такая «недооценка» для Айхенвальда равноценна эстетической глухоте и слепоте знаменитого критика первой половины XIX в.

Под знаком Пушкина Айхенвальд продолжает жить и в эмиграции, причем теперь, как и для многих других русских изгнанников, имя Пушкина неразрывно сливается в его сознании с утраченной Россией. С февраля 1923 г. он начинает работу в берлинском Русском научном институте с чтения курса истории русской литературы и проведения семинара по творчеству Пушкина. В том же году появляются его публикации о пушкинской «Гавриилиаде» в первом и единственном выпуске альманаха «Струги» и берлинском журнале «Сполохи» (№ 21). Тогда же, в 1923 г., он начинает публиковать в рижской газете «Сегодня» мемуары «Дай оглянись...», заглавие которых восходит к лирическому отступлению из «Евгения Онегина» (Глава VI. Строфа XLVI). При этом в четвертой главке мемуаров «Чехов и Соловьев» [Каменецкий, 1923] повествование начинается с чествования в Москве пушкинского 100-летия, на котором почти незванным и скромным гостем оказывается один из любимейших айхенвальдовских писателей, еще один продолжатель пушкинской традиции — Чехов.

В 1924 г. в связи с юбилеем поэта Айхенвальд публикует в газете «Сегодня» статью «Великой памяти (К 125-летию рождения Пушкина)». Критик признается, что говорить о Пушкине стало вдвойне труднее: и «потому, что сказать о Пушкине что-нибудь новое и его достойное — задача, почти ни для кого не выполнимая», и потому, что «время это уж слишком не пушкинское, не в его стиле и смысле, и нынешняя Россия осталась без Пушкина, без его духа, без этого ангела-хранителя своего» [Айхенвальд, 1924]. Тем не менее для русского человека Пушкину обеспечена «вечность», по мнению Айхенвальда, благодаря языку: пушкинская речь «оплодотворила нашу речь», а «его поэзия влила свою прозрачность в нашу прозу» [Айхенвальд, 1924]. Для Айхенвальда Пушкин — это поистине «вечный спутник»: «Ведь, с той поры, как на школьной скамье заучиваем мы “Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда” и вплоть до старости, до конца, через всю жизнь

провождает нас Пушкин, он является нашим незаменимым спутником — все равно, замечаем ли мы это, сознаем ли мы это или нет» [Айхенвальд, 1924].

Однако это вряд ли сознательная «отсылка» к названию знаменитой книги Д. С. Мережковского, хотя можно обнаружить определенный жанровый параллелизм между айхенвальдовскими «Силуэтами русских писателей» и «Вечными спутниками» Мережковского, называвшего в предисловии к первому изданию 1897 г. свои эссе «дневником читателя». Однако Айхенвальду принципиально чужды и метод Мережковского-критика, и выстроенная им в очерке «Лермонтов — поэт сверхчеловечества» антитеза Лермонтова и Пушкина.

Утверждения Мережковского о засилье в русской культуре эстетизма (созерцательности) вместо необходимого действия (прагматизма) представляется Айхенвальду лукавством. Такой тезис искажает и факты (засилье Чернышевского, Писарева, забвение Баратынского, Фета, Тютчева), и само «метафизическое существо русской литературы», которая, с точки зрения Айхенвальда, отнюдь не созерцательна, но именно действенна, как действенна и поэзия Пушкина: «Вся порыв, вся благодарное утверждение мира, благословение ему с его трудами и трудностями, она живет и страстно зовет к делу жизни» [Айхенвальд, 1998: 101–105]. Для Мережковского, как и для критиков-шестидесятников, творчество автора «только предлог или повод» для собственных суждений. Такой метод порождает литературно-критическое «лукавство» — умалчивание о фактах, не вписывающихся в концепцию. Вот почему для Айхенвальда Мережковский — «разрушитель эстетики», продолжатель дела Писарева.

Айхенвальд защищает от Мережковского не только Пушкина, но и одного из его знаменитых ценителей — Ф. М. Достоевского, чью речь о поэте Мережковский интерпретировал как призыв к рабьему смиренью. Для Айхенвальда такой приговор не что иное, как игра «в словесное домино», против которой в свое время выступал любимый им немецкий философ А. Шопенгауэр. Когда игрок в «словесное домино» делает это мастерски, то возникает иллюзия истины. Но «иллюзия рассеивается», потому что в тексте нет главного — «внутренней подлинности». На вопрошание Мережковского: «Не предстоит

ли нам борьба с Пушкиным?» — Айхенвальд в 1914 г. отвечал: «Наше спасение не в борьбе с Пушкиным, а в приятии его <...> потому что, кто принимает Пушкина, тот принимает все» [Айхенвальд, 1998: 101–105].

В 1924 г. в пушкинской юбилейной статье Айхенвальд скажет, что для русских читателей Пушкин представляет тот легкий воздух, которым они продолжают дышать так же, как продолжают жить в настоящей русской литературе «заветы его художественного реализма, его поэтизация прозы, его умение находить красоту простоты» [Айхенвальд, 1924]. Пусть Пушкин не нужен советской России [Каменецкий, 1924b], но и в условиях несвободы продолжает развиваться пушкинистика как наука. Недаром даже прежние «провозвестники модернизма» стали «пушкинианцами» [Айхенвальд, 1924]. Отказаться от пушкинского «неумолкающего имени» невозможно: это ясно всякому, «кто чувствует глубиной сердца, что именно под знаком Пушкина, под его светлой звездой, двигалась русская образованность» [Айхенвальд, 1924].

Спустя полтора года в газете «Руль» появилась рецензия Айхенвальда на книгу П. М. Бицилли «Этюды о русской поэзии» (1926)⁵. Книга Бицилли привлекла внимание критика, потому что почти все ее разделы: «Эволюция русского стиха»; «Поэзия Пушкина»; «Место Лермонтова в истории русской поэзии»; «К вопросу о природе русского стиха»; «“Сон” и прочее в Пушкинском словаре»; «Художественный замысел “Медного всадника”» — имели прямое или косвенное отношение к Пушкину. Хотя Айхенвальд готов был поспорить с отдельными положениями Бицилли, например о пушкинском «Анчаре», но в целом ему импонировало в авторе, в отличие от Мережковского и набирающих силу формалистов-аналитиков, то, что у Бицилли «проницательность анализа <...> не имеет в себе ничего разрушительного и соединяется с чувством художественной меры и художественного такта, и ум здесь не мешает слуху, как слух не мешает уму»⁶.

Публикацией этой положительной рецензии 1926 г. можно было бы объяснить появление после кончины Айхенвальда некролога, написанного Бицилли [Бицилли, 1929]. Однако перед нами не просто ответный жест благодарной памяти.

Бицилли создает образ критика, чьим полем исследования «была всегда и единственно **русская литература**» [Бицилли, 1929: 1]. Как медиевист, Бицилли не мог не знать о статьях Айхенвальда о западных писателях, но для него принципиально важно нарисовать образ инородца, для которого русская культура оказывается культурой «величайшей ценности и абсолютного значения» [Бицилли, 1929: 1]. Бицилли подчеркивает, что Айхенвальд был «по вкусам, по убеждениям, по всему своему душевному складу **русским** в такой степени, в какой это вообще возможно» [Бицилли, 1929: 1]. Он почти вызывающе утверждает, что Айхенвальд настолько «интимно связан» с русской культурой, что говорить о русской культуре — это «значит продолжать говорить о нем», об Айхенвальде. Бицилли утверждает, что хотя «русская культурная стихия <...> насквозь пронизана духом православия», но «можно быть русским <...> не будучи рожденным в нем», так как «всякая культура» в определенный момент своего развития «перерастает вероисповедные рамки». Бицилли причисляет Айхенвальда к той когорте евреев — Волынского, Венгерова, Горнфельда, Гершензона, которых можно назвать «рыцарями русской литературы» и для которых русская культура была реальной «духовной величиной» [Бицилли, 1929: 1]. (Нужно отметить, что вопрос о еврействе и русской культуре занимал и самого Айхенвальда (см.: [Айхенвальд, 1916], [Каменецкий, 1924а]). По мнению Бицилли, сам этот факт свидетельствует «о могучей притягательной и ассимилирующей силе русской культуры и русской “стихии”» [Бицилли, 1929: 1–2]. Судьба Айхенвальда, его великая «вера в душу России» оказывается, с точки зрения Бицилли, своего рода примером и моральным уроком для всех русских: «В этом заключается для нас смысл и значение его жизни, его посмертное завещание, урок и высокий пример» [Бицилли, 1929: 2].

Пафос Бицилли становится понятней, если мы вспомним про цикл его статей о «философии нации» [Бирман: 114], публиковавшийся в 1928–1930 гг. в «Современных Записках» («Нация и народ», «Нация и государство», «Нация и язык», «Эволюция нации и революция»), особенно его статью «Нация и народ», где, в отличие от этнографического народа, нация

понимается как та его часть, для которой «культура» является «осознанным идеалом», «стимулом личной деятельности, источником творческой энергии» [Бицилли, 1928: 353]. Для Бицилли, такого же одессита, как и Айхенвальд, окончившего так же, как и он, Новороссийский университет и тоже имеющего еврейские корни, некролог Айхенвальду становится еще одним стимулом заговорить о единой русской культуре и о нации, несводимой к национальности, и о Пушкине как о ее главном символе.

В отличие от историков русской литературы первой четверти XX в., феномен Айхенвальда, человека, родившегося и воспитанного в совершенно других культурных и религиозных традициях (его отец был раввином (см.: [Рейтблат]), сумевшего создать в своих «Силуэтах русских писателей» «целую портретную галерею русских духовных типов» [Франк: 125], оказался чрезвычайно притягателен для видных отечественных религиозных философов. Для хорошо знавшего критика С. Л. Франка Айхенвальд был одним из достойнейших представителей «русского дела борьбы за духовные ценности, за духовные начала жизни» [Франк: 126]. В некрологе Айхенвальду Франк, в сущности, писал о том же, что и Бицилли: «Еврей по происхождению, он всем существом своим сроднился с русской духовной культурой — по крайней мере, как она воплотилась в великой русской литературе 19-го века, — умел, как немногие, понимать и сообщать другим ее духовную красоту и значительность. К литературе, к миру слова, у него было истинно-религиозное отношение; он выделял литературу из всех искусств, видя в ней больше, чем только искусство; слово было для него откровением и как бы воплощением божественного начала в человеческом духе» [Франк: 126]. Франк указывал на «своеобразное, глубоко утвержденное в самой его личности, религиозно-философское мирозерцание» [Франк: 125], называл его «истинно христианской душой», хотя и подмечал испытываемые Айхенвальдом и после принятия крещения муки «дуализма»: «...он принадлежал к тому лучшему типу русского интеллигента переходной эпохи, в котором умственное неверие сочеталось с горячей сердечной устремленностью к Богу» [Франк: 126].

Однако, по мнению Франка, именно «в созерцании стихии слова, как выражения духа, он преодолевал свой собственный религиозный философский дуализм и, хотя и односторонне и упрощенно, веровал в подлинное Боговоплощение» [Франк: 126]. В помещенном сразу же после смерти критика в газете «Руль» очень эмоционально ярком некрологе «Рыцарь духа» Франк подчеркивал особую роль Пушкина в формировании идейной позиции Айхенвальда: «Он — еврей и член либеральной интеллигенции — пришел из любви к Пушкину и к духовной культуре старой императорской, петровской России к строго консервативным убеждениям»⁷.

Чрезвычайно высоко ценил Айхенвальда и А. Ф. Лосев⁸. По воспоминаниям его ученицы, дочери друга лосевской молодости, философа-неокантианца М. И. Кагана, в 1955 г. «в горестной беседе о погубленной русской культуре он пылко сказал мне, что знал двух великих русских критиков XX-го в.: “Это были два еврея! Гершензон и Айхенвальд!” <...> Тогда же и дал мне А. Ф. Лосев том со статьей (Айхенвальда. — *Е. Т.*) о Белинском» [Каган: 3–4]. Это та самая статья, где отношение к Пушкину возводилось в единственный критерий значимости эстетических воззрений на литературную критику и саму русскую действительность. Именно такую роль играло творчество Пушкина в собственной айхенвальдовской философско-эстетической системе. Пушкин был для него тем центростремительным началом, которое сопрягает в единое целое всё в отечественной культуре — религиозное, национальное, эстетическое, и тем самым укрепляет веру в живую и деятельную душу России. Именно благодаря этому критика Айхенвальда в глазах современников перерастала свои жанровые рамки, приобретая не только литературное, но историософское значение и смысл.

Примечания

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01432-П).

¹ Руль. Берлин, 1925. 22 апреля. № 1332. С. 2–3.

² Руль. Берлин, 1923. 9 декабря. № 917. С. 2–3; Руль. Берлин, 1924. 23 июля. № 1104. С. 2–3.

- ³ Рувль. Берлин, 1925. 30 сентября. № 1468. С. 2–3.
- ⁴ Рувль. Берлин, 1926. 17 ноября. № 1813. С. 4.
- ⁵ Подробнее об отношении Бицилли к Айхенвальду см.: [Тахо-Годи, 2020a].
- ⁶ Рувль. Берлин, 1926. 6 января. № 1548. С. 2–3.
- ⁷ Рувль. Берлин, 1928. 19 декабря. № 2453. С. 2.
- ⁸ Подробнее об отношении Лосева к Айхенвальду см.: [Тахо-Годи, 2020b].

Список литературы

1. Айхенвальд Ю. И. Пушкин как воспитатель: Эскиз // Вестник воспитания. — 1899. — № 5. — С. 111–128.
2. Айхенвальд Ю. И. Пушкин // Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. — М.: Издание «Научного слова», 1906. — Вып. 1. — С. 27–49.
3. Айхенвальд Ю. И. Пушкин // Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издание «Научного слова», 1908. — Вып. 1. — С. 30–170.
4. Айхенвальд Ю. И. Предисловие к третьему изданию книги «Силуэты русских писателей». (Вып. 1). — М.: Типо-лит. т-ва «И. Н. Кушнерев и К°», 1911. — 50 с.
5. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. — 2-е изд. — М.: Мир, 1913. — Вып. 3. — 224 с.
6. Айхенвальд Ю. И. Спор о Белинском. Ответ критикам. — М.: Тип. «Мысль», 1914. — 100 с.
7. Айхенвальд Ю. И. Sessa Pietro. Pusckin Poesie sceite tradottore in versi italiani. Mosca, 1915 // Утро России. — М., 1915. — 20 июня. — № 68. — С. 6. (а)
8. Айхенвальд Ю. И. Еще о Пушкине // Утро России. — М., 1915. — 14 ноября. — № 313. — С. 5. (b)
9. Айхенвальд Ю. И. Русская литература и евреи // Утро России. — М., 1916. — 8 октября. — № 281. — С. 5.
10. Айхенвальд Ю. И. Новое о Пушкине // Наш век. — Петроград, 1918. — 17 (4) февраля. — № 27. — С. 5–6.
11. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. — 4-е изд. — Берлин: Слово, 1923. — Т. 3. — 302 с. (а)
12. Айхенвальд Ю. И. [Рец.:] Соколов Б. Кн. Мария Волконская и Пушкин. М.: Задруга, 1922 // Рувль. — Берлин, 1923. — 11 февраля. — № 670. — С. 13. (b)
13. Айхенвальд Ю. И. Великой памяти (К 125-летию рождения Пушкина) // Сегодня. — Рига, 1924. — 8 июня. — № 129. — С. 4.
14. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей: в 2 т. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1998. — Т. 1. — 303 с.
15. Б. К. [Айхенвальд Ю. И. Рец.:] Мякотин В. А. А. С. Пушкин и декабристы. Берлин; Прага; Ватага; Пламя, 1923 // Рувль. — Берлин, 1923. — 2 декабря. — № 911. — С. 8.
16. Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. — М.: Водолей, 2018. — 444 с.

17. Бицилли П. М. Нация и народ // *Современные Записки*. — Париж, 1928. — № 37. — С. 342–355.
18. Бицилли П. М. Памяти Юлия Исаевича Айхенвальда // *Голос*. — София, 1929. — 19 января. — № 26. — С. 1–2.
19. Венгеров С. А. Юлий Исаевич Айхенвальд // *Новый энциклопедический словарь*. — СПб.: Изд-во Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, [1911]. — Т. 1. — С. 607–609.
20. Голов И. [Садовский Б. А.] Ю. Айхенвальд. Пушкин. Москва. 1908 // *Весы. Ежемесячник искусств и литературы*. — 1909. — № 7. — С. 93–94.
21. Есаулов И. А. *Русская классика: Новое понимание*. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во РХГА, 2017. — 550 с.
22. Зайцев Б. К. Ю. И. Айхенвальд // Зайцев Б. К. *Сочинения: в 3-х т.* — М.: Художественная лит-ра; Изд. центр «Тerra», 1993. — Т. 2. — С. 407–411.
23. Каган Ю. М. Об этой книге и ее авторе // *Айхенвальд Юрий. Стихи и поэмы разных лет*. — М.: Мемориал, 1994. — С. 3–4.
24. Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю. И.] «Дай оглянись...» // *Сегодня*. — Рига, 1923. — 14 декабря. — № 279. — С. 2–3.
25. Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю. И.] *Россия и евреи* // *Руль*. — Берлин, 1924. — 24 февраля. — № 980. — С. 7–8. (а)
26. Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю. И.] *Россия без Пушкина* // *Руль* — Берлин, 1924. — 8 июня. — № 1067. — С. 4–5. (б)
27. Рейтблат А. И. «Подколодный эстет» с «мягкой душой и твердыми правилами»: Ю. Айхенвальд на родине и в эмиграции // *Евреи в культуре русского зарубежья*. — Иерусалим, 1992. — Вып. 1. — С. 35–54.
28. *Русская классика: Pro et contra. Железный век* / сост. И. А. Есаулов, Т. Г. Петрова. — СПб.: РХГА, 2017. — 1086 с.
29. *Русская классическая литература в мировом культурном контексте / коллектив авторов под редакцией И. А. Есаулова, Ю. Н. Сытиной, Б. Н. Тарасова*. — М.: Индрик, 2017. — 488 с.
30. Тахо-Годи Е. А. Ю. И. Айхенвальд и П. М. Бицилли: реконструкция философско-эстетического диалога // *Литфакт*. — 2020. — № 2 (в печати). (а)
31. Тахо-Годи Е. А. А. Ф. Лосев и Ю. И. Айхенвальд: к истории биографических и эстетических схождений // *Вопросы философии*. — 2020. — № 9 (в печати). (б)
32. Франк С. Л. Памяти Ю. И. Айхенвальда // *Путь*. — 1929. — № 15. — С. 125–126.
33. Хвостова О. А. Книга Ю. И. Айхенвальда «Пушкин» из библиотеки А. П. Скафтымова (Подчеркивания и пометы на полях) // *Междисциплинарные связи при изучении литературы: сб. науч. тр. Материалы VII Международной научно-практической конференции*. — Саратов: Саратовский источник, 2017. — Вып. 7. — С. 227–232.
34. Эйхенбаум Б. М. *О литературе: Работы разных лет* / сост. О. Б. Эйхенбаум, Е. А. Тоддес; вступ. ст. М. О. Чудаковой, Е. А. Тоддес. — М.: Советский писатель, 1987. — 541 с.
35. Ю. А. [Рец.:] Arthur Luther. *Alexander Puschkin in seinen Briefen* // *Руль*. — Берлин, 1928. — 4 апреля. — № 2237. — С. 4. (а)

36. Ю. А. [Рец.:] Гофман М. Пушкин. Психология творчества. — Париж, 1928 // Руль. — Берлин, 1928. — 20 июня. — № 2298. — С. 4. (b)
37. «Я очень слежу за Вашими отзывами...» (Письма В. Ф. Ходасевича Ю. И. Айхенвальду) / публ. Е. М. Бенья // Встречи с прошлым. — М.: Советская Россия, 1990. — Вып. 7. — С. 89–102.

Elena A. Takho-Godi

*Lomonosov Moscow State University,
A. M. Gorky Institute of World Literature,
The Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

takho-godi.elena@yandex.ru

Pushkin in Yuly Aykhenvald's Philosophical and Aesthetic System

Acknowledgments. The scientific investigation was carried out at A. M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences with financial support of Russian Science Foundation (RSF, the project № 17-18-01432-P).

Abstract. The article raised the question of the role of the Pushkinian principle in the philosophical and aesthetic system of Yu. I. Aykhenvald, one of the leading critics of the Silver Age. The given review of Aykhenvald's publications on Pushkin and Pushkin studies of the first quarter of the twentieth century and analysis of Aykhenvald's attitude to V. G. Belinsky's and D. S. Merezhkovsky's statements about Pushkin allowed defining more clearly the position of the literator, his approaches and methods. Aykhenvald's articles about Anna Akhmatova, V. Bryusov, I. Bunin demonstrate that the involvement in the Pushkin tradition was for Aykhenvald the most important aesthetic criterion in assessing the modern literary process. Besides, the article regards the question of perception of Pushkin's studies of Aykhenvald by his contemporaries — writers (B. Zaitsev, B. Sadovskoy, V. Khodasevich), literary scholars (S. A. Vengerov, B. M. Eichenbaum, A. P. Skaftymov), cultural historians (P. M. Bicilli) and representatives of Russian religious philosophy (S. L. Frank, A. F. Losev). It is concluded that, in contrast to literary historians, the phenomenon of Aykhenvald was for philosophically minded admirers of his critical talent a confirmation of the unity of national culture, the irreducibility of the nation to nationality and Pushkin as its main symbol.

Keywords: Aykhenvald, literary criticism, philosophical and aesthetic system, tradition, Pushkin, national culture

About the author: *Takho-Godi Elena A.* — Doctor of Philology, Associate Professor at the Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University (Leninskie gory 1, Moscow, 119991, Russian Federation);

Leading Researcher at the Department of Russian Literature of late XIX — and early XX Centuries, A. M. Gorky Institute of World Literature, The Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); Head of the Department, The Library-Museum "A. F. Losev House" (ul. Arbat 33, Moscow, 119002, Russian Federation)

Received: June 1, 2020

Date of publication: July 7, 2020

For citation: Takho-Godi E. A. Pushkin in Yuly Aykhenvald's Philosophical and Aesthetic System. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 3, pp. 171–189. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8223 (In Russ.)

References

1. Aykhenvald Yu. I. Pushkin as a Teacher: Sketch. In: *Vestnik vospitaniya*, 1899, no. 5, pp. 111–128. (In Russ.)
2. Aykhenvald Yu. I. Pushkin. In: *Aykhenval'd Yu. I. Siluety russkikh pisateley [Aykhenvald Yu. I. Silhouettes of Russian Writers]*. Moscow, "Nauchnoe slovo" Publ., 1906, issue 1, pp. 27–49. (In Russ.)
3. Aykhenvald Yu. I. Pushkin. In: *Aykhenval'd Yu. I. Siluety russkikh pisateley [Aykhenvald Yu. I. Silhouettes of Russian Writers]*. Moscow, "Nauchnoe slovo" Publ., 1908, issue 1, pp. 30–170. (In Russ.)
4. Aykhenvald Yu. I. *Predislovie k tret'emu izdaniyu knigi «Siluety russkikh pisateley»*. (Vypusk 1) [A Preface to the Third Edition of the Book «Silhouettes of Russian Writers». (Issue 1)]. Moscow, Tovarischestvo I. N. Kushnerev i K° Publ., 1911. 50 p. (In Russ.)
5. Aykhenvald Yu. I. *Siluety russkikh pisateley [Silhouettes of Russian Writers]*. Moscow, Mir Publ., 1913, issue 3. 224 p. (In Russ.)
6. Aykhenvald Yu. I. *Spor o Belinskom. Otvet kritikam [A Dispute About Belinsky. A Response to Critics]*. Moscow, Mysl' Publ., 1914. 100 p. (In Russ.)
7. Aykhenvald Yu. I. Sessa Pietro. Pusckin Poesie sceite tradottore in versi italiani. Mosca, 1915 [Sessa Pietro. Selected Verses of Pushkin Translated into Italian. Moscow, 1915]. In: *Utro Rossii*. Moscow, 1915, June 20, no. 68, p. 6. (In Russ.) (a)
8. Aykhenvald Yu. I. Some More About Pushkin. In: *Utro Rossii*. Moscow, 1915, November 14, no. 313, p. 5. (In Russ.) (b)
9. Aykhenvald Yu. I. Russian Literature and the Jews. In: *Utro Rossii*. Moscow, 1916, October 8, no. 281, p. 5. (In Russ.)
10. Aykhenvald Yu. I. New About Pushkin. In: *Nash vek*. Petrograd, 1918, February 17 (4), no. 27, pp. 5–6. (In Russ.)
11. Aykhenvald Yu. I. *Siluety russkikh pisateley [Silhouettes of Russian Writers]*. Berlin, Slovo Publ., 1923, vol 3. 302 p. (In Russ.) (a)
12. Aykhenvald Yu. I. (Review) Sokolov B. Princess Maria Volkonskaya and Pushkin. Moscow, Zadruga Publ., 1922. In: *Rul'*. Berlin, 1923, February 11, no. 670, p. 13. (In Russ.) (b)

13. Aykhenvald Yu. I. In Memory of the great Poet (To the 125th Anniversary of Pushkin's Birth). In: *Segodnya*. Riga, 1924, June 8, no. 129, p. 4. (In Russ.)
14. Aykhenvald Yu. I. *Siluety russkikh pisateley: v 2 tomakh* [*Silhouettes of Russian Writers: in 2 Vols*]. Moscow, TERRA-Knizhnyy klub Publ., Respublika Publ., 1998, vol. 1. 303 p. (In Russ.)
15. B. K. (Aykhenvald Yu. I. Review) Myakotin V. A. A. S. Pushkin and the Decembrists. Berlin, Prague, Vataga Publ., Plamy Publ., 1923. In: *Rul'*. Berlin, 1923, December 2, no. 911, p. 8. (In Russ.)
16. Birman M. A. *P. M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo* [*P. M. Bicilli (1879–1953). Life and Works*]. Moscow, Vodoley Publ., 2018. 444 p. (In Russ.)
17. Bitsilli P. M. The Nation and People. In: *Sovremennye Zapiski*, 1928, no. 37, pp. 342–355. (In Russ.)
18. Bitsilli P. M. In Memory of Yuly Isayevich Aykhenvald. In: *Golos*. Sofia, 1929, January 19, no. 26, pp. 1–2. (In Russ.)
19. Vengerov S. A. Yuly Isayevich Aykhenvald. In: *Novyy entsiklopedicheskiy slovar'* [*New Encyclopedic Dictionary*]. St. Petersburg, F. A. Brokgauz and I. A. Efron Publ., 1911, vol. 1, pp. 607–609. (In Russ.)
20. Golov I. (Sadovskiy B. A.) Yu. Aykhenvald. Pushkin. Moscow. 1908. In: *Vesy. Ezhemesyachnik iskusstv i literatury*, 1909, no. 7, pp. 93–94. (In Russ.)
21. Esaulov I. A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie* [*Russian Classics: New Understanding*]. St. Petersburg, the Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2017. 550 p. (In Russ.)
22. Zaytsev B. K. Yu. I. Aykhenvald. In: *Zaytsev B. K. Sochineniya: v 3 tomakh* [*B. K. Zaitsev. Works: in 3 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., Izdatel'skiy tsentr "Terra" Publ., 1993, vol. 2, pp. 407–411. (In Russ.)
23. Kagan Yu. M. About This Book and its Author. In: *Aykhenval'd Yury. Stikhi i poemy raznykh let* [*Aykhenvald Yu. Verses and Poems of Different Years*]. Moscow, Memorial Publ., 1994, pp. 3–4. (In Russ.)
24. Kamenetskiy B. (Aykhenvald Yu. I.) «Let me Look Back...». In: *Segodnya*. Riga, 1923, December 14, no. 279, pp. 2–3. (In Russ.)
25. Kamenetskiy B. (Aykhenvald Yu. I.) Russia and the Jews. In: *Rul'*. Berlin, 1924, February 24, no. 980, pp. 7–8. (In Russ.) (a)
26. Kamenetskiy B. (Aykhenvald Yu. I.) Russia Without Pushkin. In: *Rul'*. Berlin, 1924, June 8, no. 1067, pp. 4–5. (In Russ.) (b)
27. Reytblat A. I. "A Perfidious Aesthet" with "a Gentle Soul and Rigid Rules": Yu. Aykhenvald at Home and in Emigration. In: *Evrei v kul'ture russkogo zarubezh'ya* [*The Jews in the Culture of the Russians Abroad*]. Jerusalem, 1992, issue 1, pp. 35–54. (In Russ.)
28. *Russkaya klassika: pro et contra. Zheleznyy vek* [*Russian classics: Pro et contra. The Iron Age*]. St. Petersburg, the Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2017. 1086 p. (In Russ.)
29. *Russkaya klassicheskaya literatura v mirovom kul'turnom kontekste* [*Russian Classical Literature in the World Cultural Context*]. Moscow, Indrik Publ., 2017. 488 p. (In Russ.)

30. Takho-Godi E. A. Yu. I. Aykhenvald and P. M. Bicilli: Reconstruction of the Philosophical and Aesthetic Dialogue. In: *Litfakt*, 2020, no. 2 (in print). (In Russ.) (a)
31. Takho-Godi E. A. Aleksei Losev and Yuly I. Aykhenvald: on the History of Biographical and Aesthetic Convergence. In: *Voprosy filosofii*, 2020, no. 9 (in print). (In Russ.) (b)
32. Frank S. L. In Memory of Yuly I. Aykhenvald. In: *Put'*, 1929, no. 15, pp. 125–126. (In Russ.)
33. Khvostova O. A. Yu. Aykhenvalds Book “Pushkin” from the Library of A. P. Skaftymov (Emphases and Notes on the Margins). In: *Mezhdistsiplinarnye svyazi pri izuchenii literatury: sbornik nauchnykh trudov. Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Interdisciplinary Ties in the Study of Literature: A Collection of Scientific Works. Materials of the 7th International Science and Practice Conference]*. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2017, issue 7, pp. 227–232. (In Russ.)
34. Eykhenbaum B. M. *O literature: raboty raznykh let [About Literature: Works of Different Years]*. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1987. 541 p. (In Russ.)
35. Yu. A. (Review:) Arthur Luther. Alexander Puschkin in Seinen Briefen [Arthur Luther. Alexander Pushkin in His Letters]. In: *Rul'*. Berlin, 1928, April 4, no. 2237, p. 4. (In Russ.) (a)
36. Yu. A. (Review:) Gofman M. Pushkin. Psychology of Creative Works. Paris, 1928. In: *Rul'*. Berlin, 1928, June 20, no. 2298, p. 4. (In Russ.) (b)
37. “I Really Follow Your Reviews...” (Letters of V. F. Khodasevich to Yu. I. Aykhenvald). In: *Vstrechi s proshlym [Meetings with the Past]*. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1990, issue 7, pp. 89–102. (In Russ.)